

4. Свитич Л. Г. Профессия: журналист : учеб. пос. / Л. Г. Свитич. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 255 с.
5. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 4. С – Я. – 800 с.
6. Словари русского языка. – Режим доступа: <https://how-to-all.com/значение:суд.> – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Буколика, Роосса, 2008. – 1247 с.
8. Фразеологический словарь русского языка / М. И. Степанова. – СПб. : Полиграфуслуги, 2005. – 608 с.

References

1. Zolotyh L. G. *Jazykovaja agresija kak komponent sovremennogo mediaprostranstva (na materiale teleperedachi «Odnako»)* [Language aggression as a component of modern media space (on the material of the telecast "However")]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2016, vol. 22, no. 6, pp. 133–138.
2. Kveseleovich D. I. *Samyj polnyj slovar' nenormativnoj leksiki* [The most complete vocabulary of profanity]. Moscow, Astrel' publ., AST publ., 2011, 1021 p.
3. Panasjuk A. Ju. *Vam nuzhen imidzhmejker? Ili o tom, kak sozdavat' svoj imidzh* [Do you need an image maker? Or how to create your own image]. 2nd. ed. Moscow, Delo publ., 2000, 367 p.
4. Svitich L. G. *Professija: zhurnalist* [Profession: journalist]. Moscow, Aspekt Press publ., 2003, 255 p.
5. *Slovar' russkogo jazyka: in 4 vol.* [Dictionary of Russian: in 4 vol.]. Ed. by A.P. Evgenieva. 3rd ed. Moscow, Russkij jazyk publ., 1985–1988, vol. 4, 800 p.
6. *Slovari russkogo jazyka* [Russian Dictionaries]. Available at: <https://how-to-all.com/znachenie:sud.>
7. Ushakov D. N. *Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka* [A great explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Bukolika publ., Roossa publ., 2008, 1247 p.
8. *Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Phraseological Dictionary of Russian]. St. Petersburg, Poligrafuslugi publ., 2005, 608 p.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ЭМОТИВНОСТИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ БЛОГАХ В. ШЕНДЕРОВИЧА

Крутова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный технический университет, 414052, г. Астрахань, ул. Татищева, 16; докторант, Волгоградский государственный университет, 400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100, e-mail: dartsk@mail.ru.

В статье проанализированы формы воплощения эмотивности автора на материале блогов известного российского публициста В. Шендеровича. Для данных текстов характерно стилистическое многообразие, направленность авторской речи в сторону разговорности, снижения стиля, заметны ярко-выраженные негативные эмоции по отношению к данной действительности, которая подвергается авторской интерпретации не аналитического типа, а художественно-публицистического, в его сатирическом и гротескном выражении, наблюдается стремление к проявлению своего авторского я, собственно-го стиля, отличающегося эмоциогенностью. Именно посредством актуализации сниженной оценочной лексики, жаргонных и просторечных выражений, понятным каждому читателю, автор добивается «возвращения в реальность».

Ключевые слова: эмоциогенность, экспрессивность, эмотивность, публицистика, авторская позиция, жаргон, идиома

**EXPRESSION MEANS OF AUTHOR'S EMOTIVNOST'
IN PUBLICISTIC BLOGS BY V. SHENDEROVICH**

Krutova Irina N., Candidate of Philological Sciences, 414052, Russia, Astrakhan, 16 Tatishchev st.; doctoral candidate, Volgograd State University, 400062, Russia, Volgograd, 100 Universitetsky st., e-mail: dartsk@mail.ru.

In the article was formed and analyzed the embodiment of the author's emotivnost' on the blog's material of famous Russian publicist V. Shenderovich. The stylistic variety, orientation of the author's speech by decrease in style is characteristic of these texts, pronounced negative emotions in relation to this reality which is exposed to author's interpretation, but it is not an analytical type, but art-publicistic, in his satirical and grotesque expression are noticeable, the aspiration to manifestation author's "I", own style differing in an emotsiogennost' is observed. By means of updating of the lowered estimated lexicon, slangy and colloquial expressions, what clear to each reader, the author tries to obtain "return to reality".

Keywords: emotsiogennost', expressivity, emotivnost', journalism, author's position, slang, idiom

Современные средства массовой коммуникации располагают возможностью передавать актуальную информацию, предназначенную для широкой читательской аудитории, в том числе через интернет-коммуникацию, при этом не опираясь ни на демографические и социальные, ни на национальные и государственные границы, не ограничивая автора в проявлении собственных эмоций посредством использования разнообразных языковых ресурсов.

Исследователи указывают, что независимо от того, в каком качестве аудитория воспринимает СМИ (как источник информации, или как источник развлечения, или просто как контакт с внешним миром), самым проверенным и безошибочным методом воздействия на человеческое сознание продолжает оставаться обращение к эмоциям и чувствам реципиента [3, с. 103]. Таким образом, языковая репрезентация эмоциональности – эмотивность является одним из наиболее неопределенных качеств публицистического текста.

Как отмечает Г.Я. Солганик, «...основные задачи стиля массовой коммуникации предполагают, что журналист, соблюдая языковые стандарты, присущие тому или иному жанру, имеет свободу языкового творчества, экспрессивно подчеркивая, выделяя основную мысль, давая прямую оценку описываемому событию или факту» [4, с. 21]. К числу таких журналистов относится В. Шендерович, блоги которого отличаются эмотивностью и экспрессивностью выражений, стилевой разноплановостью и который в современных политических условиях видит в этом свое профессиональное предназначение: «Телезрителям, увы, я ничего предложить не могу: своевременно отлучен от коммуникации. А вот читателям настоятельно предлагаю вернуться в реальность (им еще не поздно). Перестать морочить себе голову <...>. Начать называть вещи своими именами» [6].

«Возвращение в реальность» выражается посредством актуализации сниженной оценочной лексики, публицист прибегает к жаргонным и просторечным выражениям, понятным каждому читателю: «Бывший чиновник (ныне депутат Государственной Думы РФ), чуя недоброе, попросил приятеля-бизнесмена перехватить эти деньги у себя...»; «Лежали себе, значит, эти три лимона и хлеба не просили. И вдруг банкир, брат мусью, лягушатник проклятый, попросил объяснить: откуда взялось в его банке **сие бабло?**» [6]. Стилистическая несочетаемость слов «сие бабло» несет прагматическую функцию неодобрения, которая выражается в акцентуации архаизма высокого стиля – устаревшей формы указательного местоимения (сей – книжн. ус-

тар., теперь ирон.) и жаргонизма, совершенно противоположных по стилевой окраске лексем.

В следующем примере авторская эмотивность подчеркивается в использовании лексических единиц сетевого жаргона: «Санкции, **суко**. Обложили, гады, русского человека». В данной ситуации намерением публициста является выражение своей оценки ситуации, завуалировав инвективную лексему в более адаптивной форме молодежного интернет-сленга, прагматическая функция данной формы слова – возмущение, реакция на ситуацию, на происходящее. Данный вариант является примером использования «чужого слова» (по аналогии с прозой М.М. Зощенко).

Основным назначением публицистического текста является воздействие автора на своего слушателя / читателя. Очевидно, что данная интенция не может не отразиться в выборе языковых и стилистических ресурсов языка. В блогах В. Шендеровича с целью установления контакта с реципиентом в небольшом по объему тексте используется прием вопроса к читателю, лексический повтор, вводные слова: «Зачем я **рассказываю** эту историю? Для очерка нравов, **согласитесь**, *поздновато: история совершенно банальная. **А рассказываю я ее** – ради формулировки, которой бывший чиновник, ныне депутат Государственной думы, закончил повествование о своей беде, приватно объясняя приятелю происхождение капитала.*

– Это, – сказал он, – не коррупция! Это просто – давно было...» [6].

Для публицистики новейшего времени характерно стилистическое многообразие, направленность авторской речи в сторону разговорности, снижения стиля. Тексты блогов В. Шендеровича также насыщены жаргонизмами «небольшой загашник», «куска крупной городской собственности», «три лимона», «переховать эти деньги» и др., которые используются с целью вызвать негативные эмоции по отношению к данной действительности, которая подвергается авторской интерпретации не аналитического типа, а художественно-публицистического, в его сатирическом и гротескном выражении. Художественно-публицистическая форма авторского публицистического повествования предполагает редукцию фактографической составляющей текста и, как результат, «включение» соответствующего стилистического регистра – эксплицитных, оценочно-отрицательных смыслов [1].

Объектом, который становится центром авторской рефлексии, становится «само положение дел», константные ситуации, связанные с коррупцией и преступностью в структурах власти, шире – политической действительностью: «Стратегические интересы слишком очевидны. От власти Путину уходить поздно: эта **двуглавая птичка увязла уже по самый скипетр**. Удержать власть в свободной стране он не сможет: первые же по-настоящему свободные выборы сметут его и его подельников **к чертям**, и он это понимает, как никто из нас. Значит, свободной при нем Россия не будет. Это главное» [7]. Эмоциональная окрашенность и экспрессивность текстов создается различными средствами. Сатирическая интенция публициста выражается в трансформации пословицы, ср. «двуглавая птичка увязла уже по самый скипетр» – «коготок увяз – всей птичке пропасть» в соответствующему ей значению «стоит лишь поступиться чём-л., начать какое-л. предосудительное дело, как, втянувшись, уже не сможешь из него выпутаться». Отметим, что данная пословица является единицей интертекстуального сатирического поля. «Власть тьмы, или коготок увяз – всей птичке пропасть» Л.Н. Толстого, «Коготок увяз – всей птичке пропасть. Сконцентрированная драма» А.Т. Аверченко и др. Кроме того, как видно из приведенного примера, характерной чертой дискурса публицистики становится употребление эмфатических выражений, так, глагол *увязнуть* согласно жаргонному варианту является связным в известной эмфазе «увязнуть по самые...», комичной по своему содержанию.

В анализируемом примере встречаются и эмотивные трансформированные идиомы, образованные по фразеологизированной модели, в которой роль постоянного компонента выполняет междометная фразеологическая единица с существительным *чёрт*. Данные единицы состоят из эмоционально-экспрессивных выражений, что подтверждает тезис о том, что особенность прагматической структуры текста современной публицистики заключается в доминировании эмотивной функции [2, с. 81]. Анализ прагматических функций эмотивных высказываний показывает, что в речевой структуре блога данные единицы довольно ярко и активно выявляют позицию публициста, а именно: эмоциональный настрой и характер оценивания им политической ситуации.

Моделирование авторского взгляда на реалии российской действительности в публицистическом тексте невозможно без придания картине мира параметров узнаваемости. Реализация данного принципа достигается как использованием знакомых каждому читателю прецедентов (имен собственных, типовых ситуаций, поведенческих реакций, прецедентных явлений и пр.), так и оценкой, явно или косвенно характеризующей такие «координаты» [5, с. 106].

В отдельных случаях эмоциональность автора выражается в инвективе: оскорбительным и обличительным представляется выражение «...*морочить себе голову <...> премьерством Грефа и другими картонными дурилками для слабовидящих*» [7]. Данная эмотивно-экспрессивная конструкция представляет собой системно закреплённую конструктивную схему для оформления средств выражения категории эмоциональной экспрессии. Сосредоточенность двух смысловых линий (эмоциональности и экспрессивности) указывает на их смысловую объёмность, которая, будучи узуально закреплённой, имеет субъективную природу, т.к. нарушает закон коммуникативной толерантности. Имея такое средство, публицист способен передать палитру разнообразных оттенков эмоционального отношения к фактам объективной действительности конкретным лицам истеблишмента.

Также инвективный характер имеют используемые В. Шендеровичем эмотивные интертекстуальные идиомы, например: «*банкир, брат мусью, лягушатник проклятый*» в значении «француз», которые способствуют созданию определенной тональности общения. Это может быть дисгармоничное речевое воздействие на читателя, которое проявляется в несогласованности коммуникативных интенций автора и реципиента, в негармоничной интеракции, когда конфликтность коммуникативных намерений очевидна.

Диалог с читателем в блогах В. Шендеровича не исключает прогнозирования эмоционального состояния двух сторон: «***Забудьте вы уже слово «выборы»!*** *Право на выбор нам надо завоевывать (ну, если кому надо). А пока что мы – заложники в плену у бандитов. <...> Тосливо? Кто бы спорил*» [7]. С одной стороны, очевидно, что автор, адресуя вопрос к читателю, который состоит из эмоционального маркера, характеризующего состояние «тоска», использует прагматическое намерение поддержки, а, с другой стороны, воздействует собственным пессимистическим настроением.

В авторской речи эмотивность частично маркируется знаками препинания и другими графическими средствами. Восклицательный знак и кавычки в данном примере маркируют интенсивность эмоциональности высказывания и скрытый смысл, заключенный в императивном предложении, а также реализует эмоции иронии и побуждения. Ирония как тип авторской эмоциональности создается за счет несоответствия точек зрения автора и предполагаемого официального контекста в идеологическом плане своего выражения.

Анализ прагматических функций эмотивных вставных конструкций также доказывает, что в публицистике В. Шендеровича данные единицы довольно ярко и активно выявляют позицию писателя в коммуникативном акте блога, а именно: эмоциональный настрой и характер оценивания им политической

ситуации. Частица «ну» в данном дискурсе имеет неоднозначное значение – разочарование, попустительство и сожаление.

Стилистический план выражения воздействующей функции в публицистических блогах В. Шендеровича становится, как видно из приведенных нами примеров, разнообразной и индивидуализированной, в журналистской деятельности писателя-сатирика оказывается отчетливо заметно стремление к проявлению своего авторского я, собственного стиля, отличающегося эмоциональностью.

Список литературы

1. Ермолина Л. И. Специфика лингвокогнитивного моделирования оппозиционного дискурса (на примере радиопрограммы В. Шендеровича) / Л. И. Ермолина // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 313. – С. 7–12.

2. Крутова И. Н. Реализация эмотивных синтаксических идиом в художественном дискурсе (на материале современной русской прозы) / И. Н. Крутова. – Астрахань : Астраханское художественное училище (техникум) им. П.А. Власова, 2017. – 108 с.

3. Ровинская Т. Г. Методы воздействия СМИ на общественное сознание / Т. Г. Ровинская // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 6. – С. 100–103.

4. Солганик Г. Я. Стилистика современного русского языка и культура речи : учеб. пос. для вузов / Г. Я. Солганик, Т. С. Дроняева. – 4-е изд., испр. – М. : Академия, 2007. – 252 с.

5. Шебалов Р. Ю. Моделирование дискурсивных оппозиций как прием авторской лингвокультурной оценки / Р. Ю. Шебалов // Уральский филологический вестник. – 2013. – № 4. – С. 164–170. – (Серия «Психолингвистика в образовании»).

6. Шендерович В. Жизнь в пролежне / В. Шендерович. – Режим доступа: <https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/2109778-echo>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

7. Шендерович В. Полная амнистия! Или, на худой конец, амнезия / В. Шендерович. – Режим доступа: <http://www.aboutru.com/2018/01/44281/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Ermolina L. I. *Specifika lingvokognitivnogo modelirovanija opozicionnogo diskursa (na primere radioprogrammy V. Shenderovicha)* [The specificity of linguistic and cognitive modeling of the oppositional discourse (for example, radio programs, V. Shenderovich)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2008, no. 313, p. 7–12.

2. Krutova I. N. *Realizacija jemotivnyh sintaksicheskikh idiom v hudozhestvennom diskurse (na materiale sovremennoj russoj prozy)* [Realization of emotive syntactic idioms in artistic discourse (by the material of modern Russian prose)]. Astrakhan, Astrahanskoe hudozhestvennoe uchilishhe (tehnikum) im. P.A. Vlasova publ., 2017, 108 p.

3. Rovinskaja T. G. *Metody vozdejstvija SMI na obshhestvennoe soznanie* [Methods of mass media influence on the public consciousness]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World economy and international relations], 2008, no. 6, pp. 100–103.

4. Solganik G. Ja., Dronjaeva T. S. [et al.]. *Stilistika sovremennogo russkogo jazyka i kul'tura rechi* [Style of modern Russian language and culture of speech]. 4nd. ed. Moscow, Akademija publ., 2007, 252 p.

5. Shebalov R. Ju. *Modelirovanie diskursivnyh oppozicij kak priem avtorskoj lingvokul'turnoj ocenki* [Modeling discursive oppositions as reception of the author's linguistic-cultural assessment]. *Ural'skij filologičeskij vestnik* [Ural Philological Bulletin], 2013, no. 4, pp. 164–170. (Serija «*Psicholingvistika v obrazovanii*» [A series of "Psycholinguistics in education"]).

6. Shenderovich V. *Zhizn' v prolezhne* [Life in the bedsore]. Available at: <https://echo.msk.ru/blog/shenderovich/2109778-echo>.

7. Shenderovich V. *Polnaja amnistija! Ili, na hudoj konec, amnezija* [Full amnesty! Or, at worst, amnesia]. Available at: <http://www.aboutru.com/2018/01/44281>.